

УДК 93(94)

DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-48-55

Зоя Вениаминовна Мошкина,
доктор исторических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30),
e-mail: MoshkinaZV@yandex.ru

Применение к ссыльнокаторжным государственным преступникам порядка содержания вне тюрьмы на Нерчинской каторге во второй половине XIX века

В статье исследуются условия содержания государственных преступников России на Нерчинской каторге во второй половине XIX века. К государственным преступникам относились участники политической оппозиции страны, вступившие в политическую борьбу с самодержавием. Это движение получило название «народничество». Самодержавная монархия, борясь с оппозицией, использовала различные способы борьбы. Одним из них была ссылка в Сибирь. Наиболее тяжкой была ссылка в каторжные работы на Нерчинскую каторгу, которая располагалась на территории Забайкалья. Автор, опираясь на Свод законов Российской империи, а также историю применения к политическим заключённым каторги порядка содержания вне тюрьмы, выясняет порядок и масштабы применения этой льготы, устанавливает, насколько сами политкаторжане оказались склонны получить её, какая часть заключённых для того, чтобы получить облегчение жизни, подавала для этого прошение. Прошение предусматривало обязательное раскаяние преступника в своём преступлении и обращение к милости самодержца за облегчением участи или прощением. В результате исследования установлено, что к государственным преступникам содержание вне тюрьмы применяли нерегулярно, допускался административный произвол. Выяснено, что нарушался порядок исчисления срока пребывания в разряде испытуемых, по истечении которого заключённый получал право выйти на жительство вне тюрьмы, создавались формальные препятствия для получения льготы. За незначительным исключением основная масса политкаторжан проявляла стойкость духа и за милостью к царю не обращались. Автор допускает, что наказание политической оппозиции в России носило репрессивный характер.

Ключевые слова: государственные преступники, ссылка, каторга, режим содержания, изоляция, льгота, прошение, репрессивный режим, Нерчинская каторга, вторая половина XIX в.

Введение. Основным местом ссылки в каторжные работы государственных преступников в России являлась Нерчинская каторга. Сюда отправляли тех, кто отличался особой политической неблагонадёжностью, прежде всего, за тяжкие государственные преступления и вне зависимости от того, к какому виду каторжных работ они приговаривались.

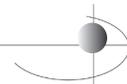
В общем порядке содержания ссыльнокаторжных всех родов и разрядов предусматривались некоторые льготы, которые, по мнению законодателя, должны были стимулировать заключённых к исправлению. Такой льготой являлось содержание вне тюрьмы. В начале срока исполнения наказания все заключённые причислялись к отряду испытуемых. Их содержали в закрытых помещениях, без свободного доступа посторонних людей. В соответствии со сроками заключения заковывали в ножные и ручные оковы. Имеющие длительные сроки приговоров носили ножные и ручные оковы, краткие – только ручные. В обязательном порядке заключённые использовались на тяжёлых работах. По истечении установленного срока содержания в отряде испытуемых ссыльнокаторжные примерного поведения, не нарушавшие режима,

а также не получавшие серьёзных взысканий и наказаний, переводились на содержание вне тюрьмы, что значительно облегчало их дальнейшее существование. Этот порядок являлся нормой общеуголовного права, следовательно, должен был неукоснительно применяться к заключённым всех категорий без исключений¹.

Целью работы является изучение условий содержания государственных преступников России на Нерчинской каторге во второй половине XIX в.

Методология и методы исследования. В статье рассматривается порядок применения к политкаторжанам одной из льгот каторжного режима, который существенно облегчал условия жизни, то есть содержание вне тюрьмы. Автор использует метод проблемно-хронологического анализа архивных документов и мемуаров бывших политкаторжан. Концептуальным является утверждение, что человеческая жизнь есть главная ценность. Исходя из данного утверждения, методологической основой исследования явля-

¹ Свод Учреждений и Уставов о ссыльных // Свод законов Российской империи. – СПб., 1857. – Т. 14. – Ст. 555–575.

ется естественно-правовой подход к определению прав и свобод человека. Работа носит междисциплинарный характер.

Результаты исследования и их обсуждение. Как известно, российская карательная политика знала деление преступников на уголовных и государственных. Относительно последних сложилась практика обозначения двумя терминами – «государственные» и «политические» преступники. По официальному законодательству государственными преступниками являлись те, кто вёл политическую борьбу против самодержавия. К таковым относилось народничество, которое во второй половине XIX в. представляло собой главный и довольно многочисленный антиправительственный лагерь. В стране сложился ещё один антиправительственный лагерь – польское национально-освободительное движение. В суде участники его тоже проходили как государственные преступники. Представители всех этих движений одновременно отбывали ссылку в каторжные работы на Нерчинской каторге. Слияние этих двух лагерей для совместного содержания в общих тюремных помещениях в планы карательной политики правительства не входило. Наоборот, требовалась организовать для них раздельное содержание. Вот почему в делопроизводстве участников польского национально-освободительного движения для того, чтобы отличать их от российских политических оппозиционеров, стали именовать политическими преступниками. В XX в. в обиходе это выражение распространится на всех политических протестантов страны.

В статье, исследуя порядок и механизм применения обозначенной льготы к государственным преступникам, то есть к народничеству, автор установил, что власти не удалось соблазнить их этой мерой и мотивировать заключённых на ожидаемое в правительственном лагере исправление. Оказывается, что большинство заключённых игнорировали такой способ облегчения своей участи. Политкаторжане, чтобы облегчить свою жизнь на каторге, прибегали к различным формам протеста. Более того, выяснено, что применение льготы осуществлялось с нарушениями, которые приобрели масштабный характер, а наказание ссылкой в каторжные работы превратилось в репрессивную меру борьбы самодержавия с политическими оппонентами.

В истории пребывания государственных преступников на Нерчинской каторге устанавливались довольно длительные промежутки времени, когда содержание вне тюрьмы от-

существовало. Происходило это потому, что порядок содержания политической оппозиции мотивировался целями карательной политики правительства. На протяжении второй половины XIX в. в тюрьмах Нерчинской каторги по настоянию высших органов власти для государственных преступников устанавливался режим изоляции, их старались содержать, во-первых, отдельно от всех остальных преступников, во-вторых, – а это было самым главным, – от внешнего мира. Смысл ссылки политической оппозиции в отдалённый и глухой регион заключался в том, чтобы лишить её всяческих контактов с волей, лишить возможности повлиять на окружение, в том числе и на среду уголовную. Однако по объективным причинам местная тюремная администрация это требование в полном объёме исполнить была не в состоянии. Кроме того, власти важно было устроить для своих политических противников более жёсткий надзор и тяжёлые условия жизни для того, чтобы сломить их волю, заставить признать поражение и просить помилования. В случае же неудачи – похоронить память об этих людях в сибирской глуши.

Проживание ссылкаторжного вне тюрьмы значительно облегчало его положение. Он освобождался от ношения оков, жил не в тюрьме, а на вольной квартире. За ним сохранялась только одна обязанность – ежедневное выполнение работ. За свои средства или по ссуде мог приобрести жильё. Эти условия давали заключённому небольшую свободу, не было необходимости круглые сутки находиться в камере, где отсутствовала возможность уединения. Контроль со стороны тюремных надзирателей состоял в утренней и вечерней проверке. Если заключённого не водили на работы, то фактически он всё время был свободен, более того, даже отлучался из дома, но для этого надо было постараться этот факт скрыть от начальства. В камере же человек постоянно находился в окружении сокамерников, зачастую не очень ему симпатичных. Такая перспектива представляла большой соблазн для поиска выхода, то есть приобрести послабление в режиме содержания. Но льготу заключённые могли получить только после отбытия срока в разряде испытуемых и, главным образом, за примерное поведение, которым государственные преступники не отличались. Существовало ещё одно условие, которое затрудняло приобретение льготы, оно было невыполнимым. Требовалось особое мнение непосредственного тюремного начальства. То есть человек

зависел от субъективного мнения чиновника, надзирающего за ним, а не от нормативного положения.

Бытовые условия в тюрьмах Нерчинской каторги, холодный климат, скудная пища, изоляция, ограниченная связь с родными – всё это усугубляло и без того тяжкие условия содержания. Самым трудно переносимым обстоятельством для политзаключённых являлось принудительное общежитие в большом коллективе людей. Тяжелее всего его переносили узники с длительными сроками заключения и бессрочники. Об этом свидетельствуют в своих воспоминаниях почти все бывшие узники политической каторги. М. Д. Муравский отмечал, что в 1860-е гг. занятий у них было достаточно много. Они занимались ремёслами, читали, исполняли хозяйственные работы по уборке территорий, сами себя обслуживали, убрали камеры, готовили по очереди пищу, топили баню, а для улучшения питания завели домашних животных и попытались организовать коммерческую деятельность. Но тяготило их то, что приходилось постоянно видеть лица одни и те же [7, с. 65]. И. Г. Жуков, описывая тюремное общежитие, товарищей, которые «сновали ежедневно и мозолили глаза», завидовал улитке, которая по надобности могла закупориться в своей раковине, чего он сам был лишён. Несмотря на то, что в тюрьме существовала доброжелательная атмосфера, он делал вывод, что в таких условиях одиночное заключение предпочтительнее, чем содержание в тюремном коллективе [3, с. 264].

В истории Нерчинской каторги 60-х гг. XIX в. известно, что на содержание вне тюрьмы были переведены только два человека, Н. Г. Чернышевский и А. А. Красовский¹. Следует заметить, что до всех заключённых каторжан, в том числе и до государственных преступников, сведения о порядке их содержания не доводились. Эту информацию они добывали сами. Подозревали о нарушениях своих прав со стороны властей. Имея представление об общем порядке управления в стране, они предполагали, что произвол со стороны тюремной администрации обязательно будет, и его не избежать. Одним из нарушений, с которым столкнулись политкаторжане, – это лишение их права жить вне тюрьмы, лишение льготы, существенно меняющей качество жизни заключённых на каторге. Тюремная власть всех уровней проводила политику по ограничению льгот, предусмотренных Уставом о ссыльных. Поэтому заключённым

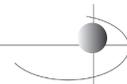
60-х гг. XIX в. содержание вне тюрьмы не разрешили. Сами заключённые из-за отсутствия у них полных сведений о режиме содержания на каторге вопрос перед начальством не поднимали, хотя требования по другим условиям высказывали.

Исполнение режима являлось непосредственной обязанностью местной администрации. Она должна была в соответствии с действующим законодательством выполнять все имеющиеся регламенты режима каторги. Но из самых высших властных вершин поступали особые пожелания, которые требовали серьёзной корректировки режима. В них присутствовали предписания по ужесточению режима через ликвидацию льгот и отмену применения к государственным преступникам царских манифестов, которые, как известно, также предусматривали облегчение участи. В администрацию каторги периодически поступали инструктивные рекомендации содержать политкаторжан только в тюремных помещениях, как надлежащих особому надзору, и в то же время поступали подтверждения о том, что на политических заключённых распространяется правило содержания их вне тюрьмы. То есть, с одной стороны, требовали политкаторжан запереть в тюрьмах и не выпускать до окончания срока, а с другой – внетюремное содержание не отменялось. Более того, в мае 1866 г. даже был составлен список всех политкаторжан, у которых истек или уже истёк срок пребывания в разряде исправляющихся². То есть, готовилась акция по освобождению группы заключённых на содержание вне тюрьмы. В результате выпустили только двоих, уже названных, остальные ссыльнокаторжные государственные преступники Нерчинской каторги 1860-х гг. эту льготу так и не получили. А те, кому представилась такая возможность, в полном объёме ею не воспользовались. А. А. Красовский 20 мая 1868 г. совершил с вольной квартиры побег, который оказался неудачным и закончился гибелью беглеца. Власти, опасаясь, что Н. Г. Чернышевскому с воли готовы организовать побег, 5 июля 1868 г. вернули его обратно в тюрьму. Генерал-губернатор Восточной Сибири К. Шелашников по этому поводу распорядился, чтобы произошло это под любым предлогом, а можно и совсем без предлога. «Не обнаруживая повода к заключению его, перевести в одно из тюремных помещений, поместив его отдельно так, чтобы ему преграждены были все пути к побегу»³.

¹ ГАРФ. – Ф. 29. – Оп. 6. – Д. 25. – Л. 14–15.

² ГАЗК. – Ф. 31. – Оп. 1. – Д. 3372. – Л. 385–508.

³ Там же. – Ф. 1п. – Оп. 2. – Д. 127. – Л. 1а.

Хотели ли получить такую льготу другие политкаторжане в 1860-е гг., не установлено. Прошений в архивах не обнаружено, в воспоминаниях такие намерения не упоминаются, в коллективе политкаторжан они даже не обсуждались. Достоинство и честь борца с режимом этого не позволяли. Следует учесть, что предоставление льготы, по мнению власти, должно было сопровождаться со стороны заключённого покаянием. Так как узники политической каторги 1860-х гг. сожалели по поводу того, за что их наказали, не демонстрировали, им режим каторги менялся на режим тюремного содержания. То есть сущность наказания, которое устраивала власть, заключалась не в точном исполнении имеющегося закона, а в желании устроить им в отместку репрессии.

В 1870-е гг., возможно благодаря личным качествам Заведующего Нерчинскими ссыльнокаторжными В. О. Кононовича, его постоянным ходатайствам и обоснованиям законности применения к политкаторжанам содержания вне тюрьмы, условия содержания ссыльнокаторжных государственных преступников стали более соответствовать Уставу о ссыльных. По признаниям заключённых, режим на каторге оказался не таким ужасным, как это представлялось им на воле. Н. А. Чарушин выразил общее мнение, оценив его как сносный, сложившийся по чистой случайности благодаря В. О. Кононовичу [11, с. 29]. Близкую оценку условиям содержания дал С. С. Синегуб: «Наша жизнь на гауптвахте, хотя была монотонна и однообразна, но особой тягостности не заключала» [9, с. 103].

Отличало режим содержания государственных преступников в 1870-е гг. то, что Заведующий Нерчинскими ссыльнокаторжными В. О. Кононович постарался применить к заключённым по закону положенную им льготу, то есть выпускал их на содержание вне тюрьмы. На такой поступок его, как он писал в отчётах, вынуждало то, что для содержания особых преступников не хватало специально оборудованных помещений, охраны и конвоя, а также отсутствовала возможность организации для них, как это требовали распоряжения, поступающие сверху, рудничных работ отдельно от общей массы ссыльнокаторжных. Но это было всего лишь поводом для оправданий перед начальством. С. С. Синегуб в воспоминаниях отметил тот факт, что государственные преступники однажды, чтобы побороть монотонность и однообразие жизни, даже попросили для себя работу. Просьба была удовлетворена, им предложили колку

дров [9, с. 103–105]. В. О. Кононович строил режим не путём его ужесточения, а старался не отступать от основного кодекса, регламентирующего режим каторги, Устава о ссыльных. Однако вышестоящие властные структуры, преимущественно подзаконными актами, по-прежнему настаивали на содержании политкаторжан в закрытых камерах. Такая политика затрудняла исполнение законодательно установленного режима каторги, порождала в исполнении режима каторги разногласия. Этот недостаток заметил флигель-адъютант Норд, который был командирован Министром внутренних дел на Кару в октябре 1883 г. В своём докладе он обратил внимание на главный недостаток в содержании инструкций, которые поступали непосредственным исполнителям режима каторги. Этот недостаток состоял в том, что они не согласовались друг с другом. Оказалось, что содержание одной инструкции отменяло другую, а в процессе реализации эти расхождения вообще могли привести к нарушениям¹. Вероятно, Норд имел в виду то, что для политкаторжан отменили содержание вне тюрьмы, а в основном нормативном акте, регулирующем режим каторги Уставе о ссыльном, это решение не было отражено². В. О. Кононович это тоже понимал, поэтому для него главным ориентиром оставался Устав о ссыльных.

Н. А. Чарушин на момент своего прибытия на Кару, а поступил он 28 ноября 1878 г., при В. О. Кононовиче, перечислил тех, кто на момент его прибытия находились уже на содержании вне тюрьмы. Таковых было немного, всего 3 человека, П. Г. Успенский, А. К. Кузнецов, Е. К. Брешко-Брешковская [11, с. 31]. Сами заключённые называли такое проживание вольной командой. К весне 1879 г. в вольную команду, по свидетельству С. С. Синегуба, В. О. Кононович выпустил всех политкаторжан Кары. Но с условием, чтобы при появлении начальства, с которым его мнение не совпадало, все они должны были лечь в лазарет как больные [10, с. 29]. С. Ястремский, прибывший на каторгу 16 октября 1880 г., перечислил имена довольно многочисленной группы политкаторжан, живущих в вольной команде. Она состояла из 20 чел. [14, с. 9]. Общее же число ссыльнокаторжных государственных преступников к этому времени на Каре уже составляло 71 чел., для содержания которых всё ещё не хватало специальных тюремных помещений. Возможно, что это стало поводом, из-за ко-

¹ ГАРФ. – Ф. 533. – Оп. 1. – Д. 732. – Л. 48–49.

² Там же. – Л. 49.

торого В. О. Кононович вынужден был всех предыдущих узников выпустить в вольную команду и таким образом решить возникшую проблему с помещениями.

Надзирающий за всем в стране орган, каковым являлось Третье отделение Его Императорского Величества канцелярия, как только до него дошли известия о допускаемых на Каре «вольностях», активизировал процедуру разбирательства в деятельности В. О. Кононовича, идущую вразрез с целями карательной политики самодержавного государства. Действия В. О. Кононовича были расценены как нарушение режима в политической тюрьме. С этой целью в ноябре 1879 г. на Кару командировается штабс-капитан Иркутского Губернского жандармского управления Бурлей. Одновременно ему поручается сопровождение трёх политических заключённых-женщин, С. Лешерн, Н. Армфельд, Е. Сарандович. Вернувшись в Иркутск, он донёс, что в тюрьме для государственных преступников он обнаружил ряд серьёзных нарушений режима. Началось разбирательство. В. О. Кононович давал письменное объяснение. Но его доводы не убедили начальство. Жандармское управление пошло в наступление, пользуясь моментом, перехватило надзорные функции на политической каторге в свои руки. В. О. Кононовича с Кары отправляют заведовать Сахалинской каторгой, а жандармского офицера Бурлея назначают на его место. Вскоре на Каре будет учреждён уже целый жандармский пункт, состоящий из нескольких жандармов, которые займутся контролем исполнения режима на политической каторге¹. Переход политической тюрьмы под надзор жандармов был вызван ещё и ростом протестного движения в стране и увеличением числа ссылаемых на Нерчинскую каторгу государственных преступников. Более того, изменился состав заключённых. С 1880 г. на Кару стали поступать сторонники террора. Власть не случайно обеспокоилась положением на политической каторге.

Весной 1882 г. политкаторжане организовали и совершили массовый побег, способ которого следствие так и не смогло установить, заключённые его не выдали. Лишь значительно позднее в своих воспоминаниях они описали план побега, его подготовку и назвали автора плана. Им оказался И. Мышкин [2, с. 126–137]. После поимки 8 беглецов в политической тюрьме отменяется ряд льгот, происходит значительное ухудшение жизни заключённых. Им ограничили переписку с

¹ ГАЗК. – Ф. 1п. – Оп. 2. – Д. 212. – Л. 1–60.

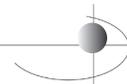
родственниками, запретили распоряжаться личными финансами, которые раньше шли на улучшение питания, читать прессу. В конце концов, их лишили ряда завоеваний, которые они добились в результате длительной и постепенной борьбы с тюремной властью. Самым тягостным наказанием оказалось ограничение выхода в вольную команду, в котором в тот период заключённые особенно нуждались. Очевидной и распространённой причиной желать выхода из тюрьмы у заключённых была чрезмерная скученность обитателей в камерах. Подтверждение этому находятся в воспоминаниях бывших политкаторжан. О воздействии тюремного общежития на психику людей писал А. В. Прибылев². Тюремное общежитие он представлял как «подневольное сожительство людей, неподходящих друг другу ни по характеру, ни по темпераменту, ни по развитию, ни по пониманию не только сложных, но и простых жизненных положений, ни по привычкам» [8, с. 56]. Естественно, что большинство заключённых мучилось совместным проживанием в тюрьме, и «жаждало отдыха» от принудительного общежития. Н. Геккер также отмечал негативное влияние совместного проживания под замком на личностные качества людей. Общежитие, по его мнению, «убивало творчество и вдохновение людей» [1, с. 81]. Ситуация усугублялась тем, что политкаторжан на регулярные работы в рудники по-прежнему не привлекали. Они весь день находились в тюремном помещении взаперти. В очередной раз власть отступала от Устава о ссыльных и изменяла государственным преступникам режим содержания.

В 1880-е гг. для политкаторжан вольная команда фактически могла стать спасением от губительного режима и многим сохранить здоровье и жизнь. В декабре 1880 г. пришло на Кару распоряжение Генерал-губернатора Восточной Сибири, по которому требовалось всех, кого В. О. Кононович успел выпустить из тюрьмы на содержание в вольную команду, вернуть обратно. Первого января 1881 г. девять человек вернулись. Десятый, Е. Семяновский, чтобы не переживать того, что уже испытал в заключении, покончил жизнь самоубийством³. Основанием этого распоряжения стала резолюция Министерства внутренних дел от 20 сентября 1880 г.⁴ С этого момента

² Патронова А. Г. «Государственные преступники» на Нерчинской каторге (1861–1895): библиогр. справ. Ч. III (П–Я). Материалы к «Энциклопедии Забайкалья». – Чита: ЗабГПУ, 1999. – Вып. 3. – С. 36.

³ ГАЗК. – Ф. 1п. – Оп. 1. – Д. 501. – Л. 37.

⁴ ГАРФ. – Ф. 109. – 3 эксп. 1880. – Д. 701. – Л. 2 об.

на политической каторге стали действовать новые правила применения льгот к государственным преступникам.

Тюремная администрация по-прежнему продолжала вести документацию на каждого заключённого. На каждого узника заводился статейный список, в котором фиксировались все происходившие в его судьбе изменения, в том числе производились расчёты по срокам приговоров. Тех, у кого срок испытания заканчивался, переводили в разряд исправляющихся, с них снимали оковы, но на содержание вне тюрьмы выпускали не всех. После побега порядок выхода в вольную команду установился следующий. Выпускали значительно меньше, чем имели право. Устанавливалась норма, она не превышала 15–16 чел. С 1886 г. в течение 2 лет в вольную команду никого не выпустили [6, с. 236]. Право выхода получали только те, кто демонстрировал примерное поведение или подавал прошение, просил о помиловании и раскаивался. При таких правилах от тюремной администрации не требовалось добросовестного и скрупулезного подсчёта изменений в сроках приговора. Как следствие документы оформлялись небрежно, с нарушениями. Заключённые безрезультативно ожидали изменений в своей жизни, обращались в тюремную администрацию с прошением освободить от оков, выпустить на содержание вне тюрьмы. По статейным спискам заключённых можно утверждать, что оформлялись они с нарушениями, которые творились по причине безалаберности и безответственности исполнителей. Были случаи, когда человеку подходил срок поселения, а он ещё в разряд исправляющихся ссыльнокаторжных не переведён¹.

Суровые требования, установленные для получения льготы, не дали ожидаемых результатов. Чиновники, посещавшие каторгу с намерением склонить к раскаянию политкаторжан, воспринимались заключёнными с юмором. Общее отношение к подаче прошений выразил в своих мемуарах Ф. Кон: «Господа из департамента полиции не понимали даже того, что раскаяние в расчёте на помилование даже в глазах тех, которых сломила или согнула тюрьма, является позором» [5, с. 32–34]. Как видно из этих слов, для основного числа борцов с российской властью обращение к милости царя с просьбой о смягчении участи считалось недостойным поведением, даже преступлением. Однако в рядах ссыльнокаторжных государственных

преступников оказались и подававшие прошение. Ф. Кон назвал число этих людей, 25 чел. [6, с. 244]. Среди них не было ни одной женщины, хотя внутри женского коллектива личностные отношения складывались непросто. Среди женщин чаще возникали конфликты, приобретающие острые формы. Из-за идейных разногласий дело доходило до разрыва отношений, прекращения общения друг с другом. Но это не приводило их к предательству общих целей [4, с. 22–26].

В 1890 г. началась реализация программы по слиянию политической каторги с уголовной. Для этого выбрали тюремное помещение, тюрьму в Акатуе. Обитателей карийской тюрьмы поделили на несколько групп. Одну, состоявшую из 13 чел., осуждённых на долгосрочную и бессрочную каторгу, отправили в Акатуй. Там их распределили по камерам к уголовным преступникам [12, с. 78–79]. Тех, кто подал прошение, определили на поселение. Мужчин с краткими сроками заключения и всех женщин оставили на Каре в вольной команде [13, с. 103]. Завершилось слияние политической каторги с уголовной, на государственных преступников распространили в полном объёме действие Устава о ссыльных. Это означало, что политкаторжан отныне будут, как и уголовных преступников, выпускать в вольную команду и привлекать к тяжёлым рудничным работам наравне с ними, не только приговаривать, но и применять физическое наказание. Улучшение питания они будут вынуждены осуществлять в общем котле с уголовниками, то есть будут делиться с ними своими средствами. Уголовников для совместного проживания им подобрали из рецидивистов и так называемых «иванов», то есть лидеров преступного мира.

Выводы. На протяжении всего периода содержания на каторге народников самодержавная власть применяло к ним наказание репрессивного характера. Усилия власти не дали ожидаемых результатов, не заставили политкаторжан измениться, покориться. Тогда она привлекла на помощь уголовный мир, для того, чтобы те сломали сопротивляемость политических оппонентов власти, подмяли под себя, сделали послушными. С этой целью политкаторжан влили в среду уголовников. Обладая монополией на власть, самодержавное государство не исполняло режим содержания на политической каторге в полном соответствии с Уставом о ссыльных, а изменяло и приспособлявало его к своим карательным целям.

¹ ГАЗК. – Ф. 1по. – Оп. 1. – Д. 638. – Л. 1-2; ГАРФ. – Ф. 29. – Оп. 7. – Д. 698. – Л. 9-10; ГАЗК. – Ф. 1п. – Оп. 1. – Д. 634. – Л. 20–23.

Источники

1. Геккер Н. Политическая каторга на Каре // Былое. 1906. № 9. С. 69–88.
2. Виташевский Н. А. На Каре // Голос минувшего. 1914. № 8. С. 110–147.
3. Жуков И. Г. Воспоминания шестидесятника // Литературный Саратов. 1947. № 8. С. 247–274.
4. Ковальская Е. Н. Женская каторга. Из воспоминаний Е. Н. Ковальской // Карийская трагедия. Петроград: Госиздат, 1920. С. 5–29.
5. Кон Ф. В каторге на Каре. М.: Новая Москва, 1926. 120 с.
6. Кон Ф. За пятьдесят лет: в 2 т. Т. 2. М.: Сов. писатель, 1936. 517 с.
7. Муравский М. Д. Ссылка и каторга в 60-х годах (отрывок из письма Муравского) // Былое. 1903. Кн. 4. С. 58–65.
8. Прибылев А. В. В динамитной мастерской и Карийская политическая тюрьма. Из воспоминаний народовольца. М.: Госиздат, 1924. 77 с.
9. Синегуб С. С. Воспоминания чайковца // Русская мысль. 1907. № 9. С. 85–108.
10. Синегуб С. С. Воспоминания чайковца // Русская мысль. 1907. № 10. С. 29–49.
11. Чарушин Н. А. О далёком прошлом на Каре. М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1929. 112 с.
12. Фрейфельд Л. Из прошлого // Каторга и ссылка. 1928. № 41. С. 66–81.
13. Чуйко В. Год в Акатуе // Нерчинская каторга. М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1933. С. 101.
14. Ястремский С. Кара // Кандальный звон. 1925. № 1. С. 5–20.

Статья поступила в редакцию 20.08.2018; принята к публикации 25.09.2018

Библиографическое описание статьи

Можкина З. В. Применение к ссыльнокаторжным государственным преступникам порядка содержания вне тюрьмы на Нерчинской каторге во второй половине XIX века // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 6. С. 48–55. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-48-55.

Zoya V. Moshkina,

*Doctor of History, Associate Professor,
Transbaikal State University*

*(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: MoshkinaZV@yandex.ru*

Application of Penal Servitude Rules of Living Outside the Prison to State Criminals Sentenced to Hard Labour in Nerchinsk in the Second Half of the 19th Century

The article discusses the detention conditions of Russian state criminals during Nerchinsk hard labor in the second half of the XIX century. Members of the national political opposition who engaged in political struggle against the autocracy were considered state criminals. This movement has been called narodnichestvo (populism). Autocratic monarchy in the struggle with the opposition used different means of struggle. One of them was a reference to Siberia. It was carried out in three ways. The most serious kind was a reference to Nerchinsk hard labor, which was located on the territory of Trans-Baikal region. The relevance of the topic is determined by the fact that it allows us to reveal the shape and nature of the punishment, which was applied by the autocracy for his political opponents. The author considers the procedure and scope of application of the exemptions based on the Code of Laws of the Russian Empire, on the example of application to political prisoners at hard labor such norms as the living outside the prison. The author clarifies the number of political prisoners who were prone to relief life and filed a petition for this. The request provides for compulsory criminal remorse for his crime and appeal to the mercy of the monarch for ameliorating the plight of forgiveness. The study found that the state criminals were occasionally allowed to live outside the of prison, while administrative arbitrariness was allowed. It turns out that the procedure for calculating the period of stay in the discharge test after which the prisoners receive the right to enter the residence outside the prison was violated. Formal obstacles were established for obtaining benefits. With the minor exception, bulk of political prisoners remained steadfast spirit and did not address to grace of the Tsar. The author admits that the punishment of political opposition in Russia was of a repressive nature.

Keywords: state criminals, link, hard labor, detention regime, Nerchinsk penal servitude, the second half of XIX century

Sources

1. Gekker, N. The political prison at Kara. *Byloe*, no. 9, pp. 69–88, 1906. (In Rus.)
2. Vitashevsky, N. A. On a Kara. *Golos minuvshogo*, no. 8, pp. 110–147, 1914. (In Rus.)
3. Zhukov, I. G. Memories of the sixties. *Literaturnyi Saratov*, no. 8, pp. 247. (In Rus.)
4. Koval'skaya, E. N. Women's hard labor. From memories E. N. Kowalski. *Kariiskaya tragediya*. Pg: Gosizdat. 1920: 5–29. (In Rus.)
5. Kon, F. In penal servitude on Kare. M: Novaya Moskva. 1926. (In Rus.)
6. Kon, F. For fifty years. M: Sovetskii pisatel'. 1936. In 2 vol. Vol. 2. (In Rus.)
7. Muravsky, M. D. Exile and hard labor in the 60s (an excerpt from Muravsky's letter). *Byloe. Zagran. izd.* 1903. Kn. 4: 58–65. (In Rus.)
8. Pribylev, A. V. The dynamite workshop and the Kara political prison. From the memories of the people. M: Gosizdat. 1924. (In Rus.)
9. Sinegub, S. S. Memories Tchaikovsky. *Russkaya mysl'*, no. 9, pp. 85–108, 1907. (In Rus.)
10. Sinegub, S. S. Memories Tchaikovsky. *Russkaya mysl'*, no. 10, pp. 29–49, 1907. (In Rus.)
11. Charushin, N. A. About the distant past on the Kara. M: Izd. Vsesoyuz. obshch. politkat. i ssyl'nopos. 1929. (In Rus.)
12. Freifel'd, L. From the past. *Katorga i ssylka*, no. 41, pp. 66–81, 1928. (In Rus.)
13. Chuiko, V. A year in Akatuy. Nerchinsk penal servitude. M: Izd. Vsesoyuz. obshch. politkat. i ssyl'nopos. 1933: 101. (In Rus.)
14. Yastremsky, S. Kara. *Kandal'nyi zvon*, no. 1, pp. 5–20, 1925. (In Rus.)

Received: 20 August 2018; accepted for publication September 25, 2018

Reference to the article

Moshkina Z. V. Application of Penal Servitude Rules of Living Outside the Prison to State Criminals Sentenced to Hard Labour in Nerchinsk in the Second Half of the 19th Century // *Humanitarian Vector*. 2018. Vol. 13, No. 6. Pp. 48–55. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-48-55.